

на этом рубеже начинается превращение Хаксли-скептика в Хаксли-проповедника — другое дело, что эти вновь обретенные ценности таковы, что выводят писателя за рамки концепции человека, доминирующей в культурной традиции XX века.

---

¹ *Ionesco E. Fragments of a Journal // Porter B. F. Philosophy: a literary and conceptual approach. New York; Chicago; San-Francisco; Atlanta, 1974. P. 493—494.*

² *Ibid. P. 492—493.*

³ *Беккет С. В ожидании Годо // Иностранная литература. 1966. № 10. С. 190.*

⁴ *Хаксли О. Контрапункт // Хаксли О. Контрапункт: Новеллы. Л., 1990. С. 36.*

⁵ *Huxley A. The Merry — Go — Round // Huxley A. Verses and Comedy. L., 1946. P. 63.*

⁶ *Huxley A. Happy families // Huxley A. Limbo. L., 1928. P. 232—233.*

⁷ *Woodcock G. Dawn and the Darbest Hour: a study Aldous Huxley. L., 1972. P. 71.*

М. Н. Рябков

Гендерные стереотипы и общественное сознание в романе Энн Бронте «Незнакомка из Уайлдфелл-холла»

Функционирование человека в обществе в первую очередь предполагает его подчинение определенным социальным нормам, принятым в данном обществе. Под понятием «социальные нормы» мы будем понимать «основные правила, которые определяют поведение человека в обществе»¹. Естественно, что основополагающие нормы существуют для всех без исключения участников жизни социума, но есть и особенности, которые, ввиду их принятия и признания большинством членов общества, уже, по сути, перестают быть особенностями и начинают служить своеобразным критерием разделения общества на некие подгруппы.

Одним из главных признаков принадлежности человека к той или иной подгруппе является его биологический пол. Именно он часто заставляет людей кардинально менять свою личную систему ценностей и оценок, чтобы соответствовать общественному

стандарту. Вследствие этого люди разделяются на вписывающихся и не вписывающихся в общепринятые рамки, установленные в качестве норм поведения для представителей мужского или, намного чаще, женского пола. Подобные дополнительные нормы, которые содержат стереотипный набор качеств, черт и функций, присущих данному полу, современные психологи называют половыми или гендерными ролями².

Критерии, формирующие как женскую, так и мужскую гендерные роли, почерпнуты из обычаев, традиций и культуры. В момент зарождения таких обычаев эти роли действительно были обусловлены в основном биологическими особенностями мужчин и женщин. Но по мере развития общественных отношений в процессе эволюции человечества биологический аспект отошел на задний план. Однако применительно к разделению гендерных ролей на мужские и женские он до сих пор остается актуальным. Это явное противоречие может быть объяснено доминированием мужского начала в большинстве сфер социальной активности человека (в том числе тем, что культура в большинстве ее проявлений создавалась мужчинами на протяжении всей истории человечества).

Рассматривая причины появления гендерных различий, мы должны принимать во внимание еще один важный аспект, который послужил основой для появления стереотипа о женской эмпатии на личностном уровне и о женской конформности на глобальном общественном уровне, а именно — вопрос иерархичности полов. Если сегодняшняя ситуация в обществе в большей степени обуславливается экономическими составляющими, придающими человеку (а как правило, и полу в целом) определенный статус и, соответственно, место в этой экономической иерархии, то в интересующий нас период раннего Викторианства в Англии большую роль играла еще и сословная иерархия. И в том, и в другом случае в качестве зависимых оказывались представительницы женского пола. Обладая более низким статусом, они оказываются вынужденными уступать влиянию обладателей статуса более высокого (то есть мужчинам).

Общественные представления так или иначе находят отражение в личных нормах человека, то есть в его жизненной позиции.

На формирование жизненной позиции человека может оказывать влияние и так называемый «сценарий», то есть «то, что человек в детстве планирует совершить в будущем»³. Естественно, что создание сценария той или иной направленности во многом обусловлено средой, в которую помещен его носитель с самого детства.

Человек, руководимый сценарными требованиями, выстраивает свое поведение в обществе, ставит себе определенные цели и задачи, вырабатывает методы их достижения. На примере творчества сестер Бронте интересно проследить соотношение личностного сценария и общественных норм и представлений, а также связанных с ними стереотипов. Для этого нам необходимо исследовать механизм поддержания жизнеспособности этих общественных взглядов, пути, с помощью которых общество пытается убедить своих членов в необходимости соблюдения социальных норм, в необходимости самого существования этих норм.

Для обозначения подобного механизма современная психология предлагает термин «нормативное давление»⁴. Большинство моделей построения общества предполагает выработку определенного морального, этического и т. д. универсального директивного постулата, действие которого распространяется на всех его членов, вызывая их ответную реакцию. Неизбежность подобной реакции на внешний раздражитель приводит ввиду неоднородности общества к его расслоению или разделению на различные группы. В данной работе нас интересуют вопросы сосуществования внутреннего (индивидуального) и внешнего (общественного) компонентов в сознании индивида. Преобладание одного из них приводит человека к необходимости выбора между подчинением и сопротивлением данным нормам. Первый случай возникает, если существующий постулат отвечает убеждениям, принципам и потребностям человека, второй, соответственно, когда общественные установки диссонируют с внутренним мироощущением личности.

Одной из форм функционирования гендерных стереотипов является принцип одобрения или интернализации (acceptance)⁵, который присущ представителям традиционалистских социальных групп, построенных по принципу патриархатности. Среди представителей таких групп в романе «Незнакомка из Уайлдфелл-хол-

ла» мы можем выделить в первую очередь женские образы второго плана, образующие своего рода идеологический background гендерной проблематики произведения. К этой категории относятся женщины, окружавшие Хелен во время ее пребывания в Уайлдфелл-холле. Наиболее ярким в этом ряду является образ матери Гилберта миссис Маркхэм, олицетворяющий собой идеологию данного общества. В ее суждениях о Хелен приводится четкое разделение обязанностей на истинно мужские и истинно женские, точное определение женской роли: «Непонятно, где бедняжка жила раньше и о чем думала — настолько невежественна она во многих отношениях, причем даже не стыдится своего невежества! <...> Во всех домашних делах и кулинарных тонкостях, которые любая хорошая хозяйка должна знать назубок, пусть даже у нее для всего есть прислуга. Я сумела вывести ее из кое-каких заблуждений, а также сообщила очень хорошие рецепты разных блюд. <...> Это необходимо знать каждой уважающей себя женщине»⁶.

На основании стереотипного представления о женской роли определяется и место, занимаемое женщиной как в семье, так и в обществе в целом по отношению к мужчинам: «“Знаешь, Роза, занимаясь хозяйством, следует думать только о двух вещах: делать все наилучшим образом, во-первых, и угождать отцам, мужьям, братьям и сыновьям, во-вторых. А женщины обойдутся и так!” — “Очень здоровое правило”, — заметила матушка. — “Во всяком случае, очень для нас удобное”, — ответил Гилберт»⁷.

И как следствие, единственно мыслимый, идеальный жизненный сценарий, полностью базирующийся на традиционных гендерных ролях, формулируется следующим образом: «Твое (Гилберта, а в его лице и каждого мужчины. — *М. Р.*) дело — угождать себе, а дело жены — угождать тебе. <...> Твой отец любил порядок, всегда наблюдал часы, редко сердился без причины, воздавал должное моим обедам, и не припомню случая, чтобы по его вине хоть какое-то кушанье перестоялось. А больше этого ни одна женщина не может ждать ни от одного мужчины»⁸.

В соответствии с этими представлениями и нормами новым поколениям прививаются гендерные стереотипы. Так, например, Роза говорит Гилберту: «Тебе мы не знаем как и угодить! Вот так всегда. Если на обед есть что-нибудь вкусенькое, мама качает

головой и подмигивает, чтобы я ни в коем случае не взяла себе и самого маленького кусочка: “Не жадничай так, Роза. Надо, чтобы Гилберту и на ужин осталось!” <...> “Гилберт любит, чтобы огонь пылал ярко!” <...> “Испеки пирог побольше, Роза. Мальчишки, наверное, сильно проголодаются! Да не клади столько перца! Не то они не возьмут второй порции!” А стоит мне сказать, что я-то это не люблю, и мне тут же объяснят, как нехорошо думать только о себе»⁹.

Звеном одной цепи с принципом одобрения или интернализации является принцип идентификации (identification), при котором человек повторяет действия ролевой модели. И вновь мы должны сказать о том, что в романе «Незнакомка из Уайлдфелл-холла» демонстрируется наибольшая склонность выражать согласие и готовность подчиняться существующим гендерным нормам таким способом у представителей традиционалистских групп, особенно у более молодой возрастной категории. Подобную практику имеет в виду Т. де Лауретис, когда говорит, что «гендер в той же мере конституирует семью, в какой он, в свою очередь, конституируется ею»¹⁰.

Конкретными примерами этого служат образы Элизы Милуорд и мисс Уилсон, которые, по сути, в точности повторяют судьбы своих матерей, тем самым выступая проводниками, передающими традиционные гендерные нормы через поколения. Со временем, по мере обретения большего жизненного опыта, эти девушки с высоким процентом вероятности перейдут в категорию, которая совершенно осознанно принимает данные нормы. То есть их воззрения проделают такую же «эволюцию», что в свое время проделали взгляды их родителей, также начинавших с принципа идентификации.

Таким образом, местное общество культивирует «представление о личности как относительно пассивной сущности, которая воспринимает, усваивает культурную данность, но не создает ее сама»¹¹. Проповедуемые и поощряемые христианской религией, утверждавшей богоугодность доминантной позиции мужчин, взаимоотношения полов не ставятся членами этого общества под сомнение. Полное приятие церковных постулатов о том, что мир таков, каким его создал и хочет видеть Бог, освобождает женщин

от необходимости критической оценки существующего положения вещей, при котором они лично чувствуют себя совершенно комфортно.

Неспособность женщин осознать саму возможность изменения собственного статуса коренится в первую очередь в характере социализации, которой они подвергаются с самого раннего детства. Давление их социальной группы направлено на укоренение в сознании девочек естественности существующего полоролевого разделения, когда единственными гендерными ролями для них были роли жены, матери, домохозяйки. Причем за право выполнять эти роли было еще необходимо побороться; это был один из немногих видов активности, на который эти женщины были способны. А образование считалось для девочек если уж не совсем излишеством, то, по крайней мере, и не самым большим достоинством.

Соглашаясь с утверждением, что психология индивида обуславливается характером социальной структуры общества, членом которого он является, и используя методологическую базу гендерных исследований, мы получили возможность рассмотреть наличие гендерных ролей и стереотипов в тексте романа «Незнакомка из Уайлдфелл-холла». Рассматривая гендер как достигаемый, конструируемый и самоконструируемый статус, на основе текста романа Энн Бронте можно проследить, как некий стереотип начинает определять не только манеру поведения, но и образ мышления членов общества. При этом он служит основой построения взаимоотношений между людьми как на макроуровне общества в целом, так и на микроуровне частной жизни внутри семьи, проходя путь от навязываемой индивиду извне нормы до осознанного принятия и генерирования этого же самого стереотипа как результата собственного опыта и убеждений.

---

¹ Берн Ш. Гендерная психология. СПб.; М., 2001. С. 31.

² См.: Там же.

³ Берн Э. Игры, в которые играют люди. Люди, которые играют в игры. СПб.; М., 1996. С. 189.

⁴ Берн Ш. Указ. соч. С. 32.

⁵ См.: Там же. С. 41.

⁶ Бронте Э. Агнес Грей. Незнакомка из Уайлдфелл-холла. Стихотворения. М., 1990. С. 182.

⁷ Там же. С. 220.

⁸ Там же. С. 221.

⁹ Там же.

¹⁰ Лауретис Т. де. Риторика насилия // Антология гендерной теории. Минск, 2000. С. 351.

¹¹ Здравомыслова Е., Темкина А. Социальное конструирование гендера как феминистская теория // Женщина. Гендер. Культура. М., 1999. С. 52.

О. Г. Сидорова

Понятийно-терминологическое поле постколониального дискурса

В последние десятилетия XX века термин «постколониальная литература» прочно вошел в зарубежное литературоведение. Дисциплина «постколониальная литература» входит в программы университетских курсов многих стран мира, создан ряд теоретических работ по данной тематике, издана хрестоматия, в которую вошли работы известных авторов по постколониальной культуре (The Postcolonial Studies Reader. London; New York, 1995). Между тем терминология постколониального дискурса отличается некоторой размытостью, и даже сам термин «постколониальная литература» продолжает вызывать споры.

Возникновение постколониальной культуры и комплекса дисциплин, связанных с ее появлением (постколониальная теория, постколониальная художественная и литературная критика), может быть отнесено ко второй половине XX века и связано с конкретными историческими событиями этого периода — распадом колониальной системы в глобальном масштабе.

В результате распада империй на карте мира появилось множество независимых государств, которые возникли вместо бывших колоний. Само понятие «постколониальная культура» — культура, сложившаяся в бывших колониях, вобравшая в себя элементы культуры колонизаторов и поработенных ими народов, то есть,